

ПРОБЛЕМА НАУЧНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ НИКОЛАЯ СТРАХОВА

Н.Н. Страхов (1828-1896) как философ, на наш взгляд, может быть вписан в ряды представителей такого сквозного направления в русской философии, как органицизм. Рефлексивно подходу к органическому мировоззрению, мыслитель видел его преимущество, в частности, в том, что оно позволяет более адекватно осмыслить исторический процесс, нежели предлагалось в просвещенческой прямолинейной концепции прогресса. Характеризуя в статье «Органические категории» органический подход, философ отмечал, что он предполагает понимание любого целостного явления как организма, и в качестве такового можно рассматривать государство, армию, семью, народ и т.д. «Понятие об органическом развитии народа», по мнению органициста, хорошо тем, что «исключает всякие возможности односторонности». Как и организм, исторические образования зарождаются, переживают период расцвета, упадка, гибели, они заражаются, болеют, вырождаются, выздоравливают.

Друг Страхова, Н.Я. Данилевский, также адепт органической методологии, в философии истории исходил из убеждения, что она позволит построить «истинно научную» философию истории. Использование органического взгляда при её построении, по его мысли, предоставляло возможность использовать точные научные методы исследования так же, как и в изучении природного мира. При этом автор книги «Россия и Европа» опирался на такую теоретико-методологическую базу, как позитивизм. Страхов же, в отличие от Данилевского, был сознательным противником позитивизма и не принимал позитивистской методологии исторического познания.

Проблема научности исторического знания в творчестве русского неославянофила Н.Н. Страхова не являлась предметом специального анализа. Однако важнейшее место в его творчестве, без сомнения, занимает разработка вопросов, относящихся к такой важнейшей сфере философского знания, как методология научного исследования. В настоящее время в нашей литературе, особенно публицистического характера, Страхов подается как славянофильствующий религиозный мыслитель. Но мыслитель имел естественно-научное образование и поэтому (особенно в начале творческого пути) его интересы были сосредоточены во многом на

разработке методологических проблем естественных наук. Необходимо заметить, что при этом Страхов исходил из отождествления научного и рационального знания. В отождествлении, в частности, фиксировалось понимание того, что именно наука из всех форм освоения действительности в наибольшей степени отличается рациональностью. С этих же рационалистических позиций Страховым рассматривается сложная проблема, которая, видимо, весьма волновала его с самого начала литературной деятельности, – *достоверность исторического знания*. Первым поводом к размышлению над проблемой для него стала статья С.С. Уварова с интересным и, следует добавить, очень, актуальным для сегодняшнего дня названием: «Достовернее ли становится история»? Уваров обращал внимание на специфику исторического знания, которая объясняется тем, что в историческом знании «отражается борьба партий», в результате чего в нем увеличивается число противоположных мнений, оценок, фальсификаций фактов и т.д. В связи с отмеченной особенностью Уваровым правомерно ставится вопрос: как при этом возможно получение истинного исторического знания? Для Страхова в 1860 г. было неприемлемо уваровское сомнение в том, что история с течением времени не потеряет своей достоверности. Судя по сентенции, высказанной Страховым по поводу размышлений Уварова, можно сделать вывод, что в 60-х гг. он пока не понял проблемы достоверности истории как науки. Рационалистическая парадигма, которой Страхов следовал, разрабатывая методологию естественно-научного познания, позволяла ему быть оптимистом относительно возможности получения достоверного, истинного знания и в сфере обществоведения. Его рационалистические контраргументы звучат как совет предположить, что историк «прежде всего есть существо, способное открыть истину», что он умеет извлечь ее из многообразного материала, и чем «обильнее эпоха проявлениями всякого рода», тем точнее может быть взгляд историка. В дальнейшем оптимизм мыслителя относительно возможности истории как науки значительно уменьшается.

Отметим, что в методологии естественных наук, отождествляя научное и рациональное, Страхов утверждает веру в возможности человеческого разума постичь сущность вещей. Цель науки, по его мнению, – установление объективных закономерных связей, открытие законов. При этом в основе страховских эпистемологических установок лежат онтологические представления. Согласно Страхову-органицисту, мир един в своём многообразии, целостен, упорядочен, в нём все взаимосвязано. Переходя же в сферу анализа социально-исторических познавательных процедур и установок, его отношение к рационализму сменяется на критическое. Постановка вопроса об особенностях естественнонаучного и исторического знания непосредственно была вызвана его исследованием

творчества Э. Ренана, И. Тэна и Д. Штрауса. В целом же она стимулировалась распространением в историческом познании позитивистской методологии, примером чего и являются работы трех названных мыслителей.

В набросках статьи «Главная задача истории» появление самой исторической науки Страхов объясняет наличием у человека естественной способности – памяти. Следовательно, с его точки зрения, история основана на «душевном отправлении», которое входит во все другие отправления. По его мнению, данная особенность социально-исторического познания отчасти объясняет то, что эта сфера нашей умственной деятельности переполнена фальшивыми явлениями. Согласно Страхову, это первая причина ошибок, которые мы замечаем в обществоведческом знании. Вторая причина заблуждений – общая гносеологическая, – та же, что свойственна любому познавательному процессу. Примечательно, что Страхов-методолог понимает диалектику истины и заблуждения, истины и ошибки, абсолютной и относительной истины. Любое действительное знание, пишет мыслитель, всегда содержит в себе истину, но в силу отмеченной особенности процесса познания можно принять неполное представление за полное, частное за общее, внешнее за внутреннее, что порождает заблуждения. Таким образом, отечественный философ проводит верную мысль: наличие ошибок в науке еще не лишает её этого статуса. Присутствие ошибочных представлений характеризует и естественные науки, и обществоведческие. Не в этом он видит специфику исторического познания.

Мыслитель, исповедовавший органический взгляд на мир, для которого характерен методологический антиредукционизм, на наш взгляд, совершенно справедливо исходил из того, что человек и история человечества – самые сложные явления в мире. Отсюда он выражает уверенность, что понимание истории – самая трудная и «высокая задача для ума». Предметом исторической науки, по его мнению, являются чувства, образы мыслей и действия минувших поколений. В осмыслении проблемы социально-исторического познания Страхов продолжает начатый в работах 60-х гг. методологический анализ оснований естествознания. Верный своему методологическому кредо, гласящему, что прежде всего необходимо правильно и ясно поставить вопрос, он его формулирует следующим образом: «установить цель этой науки, определить и ясные пути, по которым следует идти к этой цели. Отыскивая цель и пути, мы, вероятно, будем стараться найти не временные, а всегдашние черты этой умственной сферы»¹. Страхов как методолог (применительно к социально-историческому знанию) отстаивает точку зрения, согласно которой в любой умственной деятельности самое важное для ученого не уверенность в получении полной истины, а уверенность в правильности используемого метода. В статье «Главная за-

дача истории» он пишет, что силы человека всегда ограничены, поэтому можно довольствоваться тем, что мы в исследовании «чувствуем себя на твёрдой почве и знаем, что трудимся не бесплодно».

История, как её определяет отечественный философ, есть изложение судеб человечества. При этом ученый оговаривается, что мы берем не человечество как нечто единое и не задаёмся мыслью изобразить его развитие от начала до настоящей минуты, да еще и прозреть будущее. По его мнению, созерцание судеб человечества в целом есть дело невообразимо трудное, если не невозможное. Обратим внимание, что речь идёт об описании течения всей истории человечества во всём его конкретном многообразии. Если это учесть, то, вероятно, в данном случае со Страховым можно согласиться. *Цель истории* как всякой науки, по мнению Страхова, – *установление законов*. Причем в рукописи, названной при публикации «Главная задача истории», уточняется, что автор ищет в истории «постоянного, неизменного, вечных сил и законов».

Анализ исторического познания Страховым производится через сопоставление его с естественно-научным знанием. Сравнение делается не в пользу наук, изучающих историю человечества, – констатируется, что история пока не наука. Страхов называет причину, по которой возможность истории как науки ставится под сомнение. По его мнению, дело в том, что требования к исторической науке так велики, и так общи и отвлечены, что учёные и вообще писатели не в силах выполнить их на должном уровне. Как эта ситуация эксплицируется философом? По его представлению, она такова потому, что «математика и химия работают по требованиям, установившимся и неизменяющимся, тогда как историк руководится требованиями, изменяющимися с течением времени». Каждый век пишет историю по-своему.

Далее, как нам представляется, из мыслей, высказанных Страховым, можно сделать заключение, что он верно уловил одну из главных причин сложности познания социальных явлений в их закономерной связи. Она состоит в том, что исторический процесс есть результат деятельности людей, и исследователь сам включён в него, является его частью. Историк не может быть научно беспристрастным исследователем. Возьмём нравственные учения, – пишет Страхов, – которые обыкновенно считаются делом самым простым, «не требующим усилий и подготовлений для своего постижения». В действительности же только тот может «несколько понимать их силу и различные степени, кто сам высоко поднялся в нравственной жизни; иначе они останутся в его глазах мертвой буквой». Историк не может быть научно беспристрастным исследователем, в качестве примера Страховым приводится Ренан.

Страхов *не принимает позитивистский вариант* решения проблемы научности социально-исторического знания. По нашему мнению, крити-

ка позитивистской методологии является заслугой Страхова как мыслителя. Как известно, это направление претендует на истинную научность, в частности и в этой самой трудной сфере познания. Научность, объективность достигается согласно позитивистским установкам через описательность, беспристрастное изложение фактов. Но так «писать историю», с точки зрения Страхова, невозможно, ибо нельзя писать истории, не имея никаких исходных принципов. Так называемая объективная история в духе позитивизма невозможна.

«История открывается нам лишь настолько, насколько мы способны её понять, насколько успеем углубить и расширить те основания, на которые опираются наши суждения. Если мы пытаем известное чувство, проникнуты известным убеждением, то в истории мы можем найти это чувство и убеждение, и по ней можем изучать его правильную сторону, его действительный корень и силу, и понять сторону неправильную, которую оно в нас, может быть, имеет»². Процесс исторического познания бесконечен; по мнению Страхова, он есть развитие наших мыслей до всё большей свободы и полноты. «И насколько в нас созреет мысль, настолько и озарится перед нами история». История может дать нам «столько, сколько кто может взять».

Критикуя претензии позитивистской методологии на объективизм, исследователь утверждает, что если мы ничего взять не можем и не хотим, т.е., если мы не верим ни в разум, ни в человека, ни в религию – вообще не имеем никаких точек опоры для суждений, никакого зерна для развития убеждений, если мы приступаем к исследованию истории без всяких принципов и подходов, то мы получим нулевой результат. В таком случае, стремясь к объективности, научности, мы можем представить хронологическое изложение событий, но такое описание, подчеркивает мыслитель, не есть еще научное знание.

Страхов рассматривает и другой вариант как результат позитивистской методологии в социально-исторической науке. При большом старании, иронизирует Страхов, у нас, «пожалуй, выйдет история, но только такая, которая, как в зеркале, отразит нас самих, то есть будет доказывать, что верования людей всегда были заблуждениями, что цепь событий не имеет смысла, что в человечестве вечно происходит бесплодное вращение тех же страстей и увлечений. Словом, что вся история пустяки, и поучительна только потому, что доказывает справедливость нашего равнодушия и сомнения, нашей пустоты»³. Подобный результат, отмечает отечественный методолог, может оцениваться по-разному. Можно с горечью констатировать, пишет он, что исследователь стремился достичь истины, но не успел её найти. Но когда в тоне подобной истории мы слышим самодовольство ученого, думающего, что он осуществил истин-

но научное исследование, «то это будет уродливость, в сущности, весьма печальная».

Для Страхова в качестве методологического регулятива исторического исследования был неприемлем и прогрессизм, что объяснялось его консервативной социально-политической ориентацией. В его органической философии, как только он выходит за пределы натурфилософии и методологии естествознания и обращается к анализу социально-философских проблем, мы видим критику рационалистической парадигмы Просвещения. В целом, критика вызвана содержавшейся в Просвещении прогрессистской установкой. Идея социального прогресса, с его точки зрения, не может, не способна обеспечить научное объяснение исторического процесса. Данная идея как методологический регулятив в историческом познании уязвима, по его мнению, прежде всего потому, что противоречит исторически фактам, причем факты, демонстрирующие сомнительность прогрессивного движения истории человечества, берутся Страховым обычно из сферы нравственности.

Страхов не создал методологии социально-исторического познания, так же, как не создал концепции исторического процесса. Как русского философа его интересовали прежде всего настоящее и будущее России, нравственная составляющая истории человечества. На наш взгляд, у Страхова не произошло теоретического осмысления проблемы социального прогресса отчасти потому, что в этих попытках у него преобладали ценностный подход и эмоциональные оценки, определявшимися консервативными установками мыслителя. Поэтому Страхов в анализе проблемы легко переходил от философского подхода к социально-психологическому и психологическому, неясно определяя предмет исторического познания. В качестве критерия оценки социальных явлений, теорий, проектов, мотивов деятельности индивидов он предложил исходить из вопроса «Что такое мы, Русские?»⁴ Иными словами, прежде всего следует ответить на вопрос: соответствует ли перечисленное коренным духовным инстинктам народа, согласуется ли с его историческим опытом, с этим генотипом культуры?

Сомнения в возможности истории как науки были во многом обусловлены тем, что мыслитель не мог решить вопроса о закономерности исторического процесса. В его работах социально-философского плана можно найти утверждения о присутствии в общественной жизни объективных закономерностей, которые он называет «силы», неосознаваемые людьми. Читаем в «Литературных письмах»: «Народный дух – так назовём мы пока ту таинственную силу, от которой в глубочайшем корне зависят проявления человеческой души. Люди ведь напрасно думают, что они сами строят свою жизнь; в самых важных случаях ими движут силы, ускользающие от сознания, доступные для нашего познания лишь отчас-

ти и при больших усилиях»⁵. Он фактически констатирует «хитрость истории» – на поверхности люди сознательно, преследуя определённые цели, совершают подступки, они уверены, что сами строят свою историю, а на деле подчиняются неким общим движущим силам. В ответе на вопрос, что является движущими силами истории, на наш взгляд, сказывается почвенничество философа. Однако возникает следующий вопрос: что такое народный дух? Без объяснения эта сила называется таинственной. Страхов, противник агностицизма, признает её отчасти познаваемой. У Гегеля идея духа народа наполнена довольно богатым содержанием, у Страхова же она настолько бедна содержанием, что дух становится таинственным и неразвивающимся. Мыслитель в целом покидает парадигму рационализма, и его позиция в трактовке исторического развития оказывается полуиррационалистической, полуагностической.

На страховское видение исторического процесса значительно повлияло такое событие, как Парижская коммуна. В статье, посвященной осмыслению данного события (1871), история предстает для исследователя как «дело тёмное, очень таинственное; в ней, по его мнению, действуют силы, глубина которых неизмерима». Отсюда понятно, что в таком случае ответ на вопрос о возможности достоверного научного социально-исторического знания не может быть однозначно положительным. Однако мыслитель остерегается делать агностические выводы. Он претендует на экспликацию отдельных исторических событий.

Таким образом, как нам представляется, на основе изучения социально-философских воззрений Страхова можно сделать вывод, что в его творчестве проблема возможности научного исторического знания так и осталась проблемой. Его заслугой является то, что он обнаружил эту проблему и остро поставил вопрос о специфике этого знания раньше представителей неокантианца. Иногда в литературе можно встретить оценку Страхова как неокантианства. С нашей точки зрения, эта оценка неадекватна. Оценивая состояние современной философии, мыслитель отмечает как наиболее отрадную черту возвращение к Канту. При этом неокантианство признается им наиболее серьезным явлением, но на неокантианцах, по его мнению, остановиться невозможно. Господство этого направления – временное явление⁶.

---

¹ *Страхов Н.Н.* Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. Март. Т.83. С.1014.

² *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. СПб., 1897. Кн.2. С.333-334.

³ Там же. С.334.

⁴ См.: *Страхов Н.Н.* Там же. Кн.1. С.87.

⁵ *Он же.* Литературные письма // Гражданин. 1873. №1. С.18.

⁶ *Он же.* Философские очерки. СПб., 1895. С.529.